

В течении долгого времени личность старика Гунсуня в поместье Гу Тинье была очень смущающей, как и так называемый «западный двор». Причина была в том, что когда новый император взошёл на трон, внутри и снаружи дворца существовало множество бурных тёмных течений. На публике люди только кривили губы и вели себя немного неразборчиво, а придворные не могли не обсуждать втайне дела людей, приближённых к императору.

Гунсунь Байши убедил Гу Тинье не подставлять под пересуды своих помощников и учеников, как только он появится, поэтому всё, что о нём говорили, заключалось в том, что он молодой генерал, раньше имевший плохую репутацию сын из семьи хоу. Поэтому, хотя сам Гу Тинье плохо знал китайский язык, и не смотря на то, что старик Гунсунь никогда не видел его дочь Жун, они сумели нагло заявить на публику, что они являются «западным двором» из поместья Нинъюань хоу, и сделать вид, что Гунсунь Байши давно жил там.

После этого они были заняты и обеспокоены множеством других дел, и больше не задумывались об этом. К рождению Туаня репутация Гунсунь Байши, как человека из «западного двора», уже давно была реальной в глазах публики. К сожалению, поскольку маленький пельмень сейчас любил хватать вещи, он не обошёл стороной и бороду старика Гунсуня. Знаменитый «пост» господина Гунсуня по прежнему назывался «управляющий западного двора поместья Гу Хоу».

Конечно, вопиющее мошенничество подобного рода не могло полностью обмануть проницательных людей.

Когда господин Гунсунь принимал новую наложницу, три дома посетили их для поздравлений. Среди подарков были коралловые деревья, высотой более тридцати сантиметров, ослепительные жемчужные серьги и драгоценная парча... Господин Гунсунь принимал всех, кто решил поздравить его, он даже успел поддразнить Гу Тинье, и посмеяться над собой, поглаживая бороду.

— Действительно, один человек обрел Дао, а курица и собака вознеслись на небо вместе с ним.

Он имел ввиду, что получил нынешние возможности только благодаря тому, что Гу Тинье взялся за ум и, вернувшись в столицу, получил хороший пост.

В день свадьбы Жуомей была одета в новое персиково-красное ханьфу, на руках её звенело четыре золотых браслетов с драконами и фениксами, причёска была украшена золотой шпилькой с тремя крыльями, крупные бусины свешивались у её висков с двух сторон и блестели в лучах утреннего солнца.

— Тётушке Мей так повезло, — поздравляли её девушки слева.

— Тётушка Мей, желаем вам поскорее родить драгоценного сына! — говорили те, кто стоял справа.

Жуомей лишь неохотно улыбалась в ответ, её лицо было бледным.

После того как Гунсунь Байши оправился от болезни, Гу Тинье сразу же предложил ему взять наложницу. Жуомей, разумная и рассудительная, ему нравилась, поэтому он согласился. Однако он был очень равнодушным по натуре, ненавидел пошлость и вычурность и ничего не желал делать. Минлань, однако, настояла на празднике, поэтому было подготовлено несколько столов, а также всем в поместье было предложено прийти в его двор, чтобы отпраздновать радостное событие.

Из-за этого Жуомей не могла не чувствовать себя несчастной, ведь каждая невеста возлагала на свою свадьбу какие-то надежды. Она не могла не пожаловаться своей новой личной служанке, и попросила нескольких льстивых девчонок выйти наружу, чтобы купить подарков. Таким образом весть о том, что Гунсунь Байши брал наложницу, распространилась за пределы поместья, и привлекла внутрь группу восторженных «поклонников», желающих поздравить их и подарить подарки.

Гунсунь Байши был очень недоволен, и если бы не лицо Минлань, он бы точно отказался от этого брака.

— Я не прошу тебя быть добродетельной, но я не желаю видеть, что ты не в состоянии держать рот на замке! Если это виноградная лоза, которую нельзя использовать для трости и как опору, то ей нельзя доверять. После рождения ребёнка его предстоит воспитать моей жене! — взбесился старик Гунсунь. Он прямо упрекнул её. Жуомей не сдержала слёз, и несколько ночей проплакала, испытывая сожаление и стыд.

После того как Минлань узнала об этом, она могла лишь покачать головой и вздохнуть.

Гунсунь Байши в лучшем случае называли свободным и необузданным, в худшем — эгоистом. Если бы такой человек жил в современном мире, он был бы ярым холостяком и почитал бы безбрачие. К сожалению, в древности браками детей распоряжались родители, поэтому он был вынужден последовать их приказу и жениться на честной добродетельной женщине, чтобы завести детей. Возможно, он всё ещё испытывал некоторое чувство вины и уважения по отношению к своей жене, но к Жуомей...

После этого он попросил её только служить ему, и жить в гостиной, даже не в его кабинете. Слухи распространились в кратчайшие сроки. После того как Минлань услышала об этом, она просто тихо фыркнула и перестала расспрашивать, все в поместье были ошарашены.

Изначально все видели, что хоу Е очень доверяет господину Гунсуню, и всем казалось, что Жуомей взлетела вверх по ветвям, к небесам. Все служанки в покоях слушались её, но сейчас, видя прохладное отношение господина к ней, они отделились от Жуомей.

Человеческая привязанность была или холодной, или тёплой. Минлань слегка вздохнула, и спокойно читала книгу, опираясь на подлокотник. Рядом с ней в люльке лежал Туань, который спал, как маленький довольный поросёнок. В комнате было тихо, и никого не было, если не считать Даньдзю, которая сидела рядом на стульчике и шила, и, казалась, была обеспокоена. Она совершала глупые ошибки, простая бахрома была неправильно обработана дважды.

— Положи иголку с ниткой, — внезапно прошептала Минлань. — Ты проткнёшь свои пальцы до дыр!

— Я сделаю это позже, — смущённо склонив голову, пробормотала Даньдзю.

— Что случилось на этот раз? — взглянула на неё Минлань.

Даньдзю медленно опустила иглу и нить и нерешительно взглянула на Туаня.

— В конце концов, этот ребёнок не проснётся от такой мелочи, — добавила Минлань.

— Это из-за маленькой служанки, которая приставлена к Жуомей. Сегодня она пришла искать меня и сказала, что у неё нехорошо со здоровьем, — смущённо сказала Даньдзю.

— О, если ты хочешь, было бы хорошо навестить её, — Минлань вернулась к чтению.

— Нет, я видела её всего два дня назад, — мягко ответила Даньдзю. — В этот раз ей просто грустно и тяжело в груди. Она передала, что хочет увидеть своих старых сестёр.

Минлань молчала, лишь слегка улыбалась. Заметив, что её улыбка несколько саркастичная, Даньдзю не удержалась и прошептала:

— Жуомей нелегко. Она вышла замуж всего месяц назад, а её муж уже не обращает на неё никакого внимания. И даже служанки во дворе относятся к ней с пренебрежением.

— Это то, что Жуомей попросила тебя сказать? — прервала Минлань прежде, чем она успела договорить. Несмотря на то, что она не задавала прямых вопросов, она внимательно следила за тем, что происходит во дворе господина Гунсуня.

— Нет, она не просила меня каждый раз говорить об этом, — поспешно замахала рукой Даньдзю.

Когда Минлань услышала это, она едва сдержала смех. Она кинула быстрый взгляд на маленького пельменя и, увидев, что тот всё ещё спокойно похрапывает, крепко спя в большой колыбели, она не смогла не улыбнуться. Он был очень мил.

Минлань отложила книгу и, медленно протянув руку к Даньдзю, взяла её за руку и тихо вздохнула.

— Мы с тобой вместе уже больше десяти лет, и, боюсь, я знаю тебя достаточно хорошо. Позволь задать тебе вопрос. Скажи мне правду, что именно ты думаешь обо всём этом?

Даньдзю взглянула на Минлань, но не осмелилась смотреть ей прямо в глаза и прошептала, отведя взгляд в сторону:

— Она приглашала меня, есть закуски, пить чай, наслаждаться весенними сливами, и каждый раз много говорила со мной. Хотя она не просила меня напрямую, чтобы я говорила вам что-то, я знаю, что она подразумевает. Она ждёт, что главная госпожа скажет несколько добрых слов о ней перед господином Гунсунем ради неё.

Минлань кивнула, эта девушка была совсем не глупой.

— Я должна сделать это для неё?

Даньдзю была смущена, она закусил губу и, опустив голову, некоторое время молчала.

— Я... Я... Не знаю, — всё же произнесла она.

Думая о боли во взгляде Жуомей, она чувствовала жалость, но она не хотела ставить Минлань в неловкое положение.

Некоторое время они молчали, Минлань смотрела на неё и вздыхала.

— Я же нашла для тебя хороший брак, — произнесла Минлань.

Тема внезапно изменилась, Даньдзю выглядела потрясённой, пристыжённой и была совершенно ошеломлена.

— Это племянник твоего дяди, ты зовёшь его старшим двоюродным братом, — продолжила Минлань.

Вся семья Даньдзю раньше сопровождала пожилую госпожу Шен. Когда дядя Даньдзю женился на сестре её матери, он смог получить преимущество и в итоге за последние несколько десятилетий хорошо устроил семейное дело. Оно становилось всё более и более процветающим, у него был сын, на четыре года старше Даньдзю.

— Старшая служанка Фан сказала мне, что твой двоюродный брат очень способный, он уже

может сам управлять фермой и хорошо заботиться о лавках, — продолжила Минлань, смотря на покрасневшее лицо Даньдзю. — Его семья простая и хорошая.

У Даньдзю покраснела даже шея.

— Я не хочу выходить замуж, я хочу остаться с главной госпожой до конца своих дней! — через некоторое время внезапно упала на колени она.

Минлань горько улыбнулась. Даньдзю зависела от своих родителей и братьев не больше, чем Циньсан, была менее агрессивна и высокомерна, чем Люйчжи, и прекраснее, чем Сяотао, притворяющаяся свиньёй, способной съесть тигра. Хотя она была дотошной и способной, её сердце всегда было слишком мягким. Старшая служанка Цхуй знала много людей снаружи, но как бы они не присматривали ей брак, им было не по себе. Даньдзю выглядела честной, и они беспокоились о том, что её муж окажется некомпетентным, они также не желали выдавать её в семью со сложными отношениями. Её муж должен был быть покладистым и добрым человеком.

Они долго выбирали и выбирали, выбор было сделать очень сложно. Каждый раз Минлань думала о возможных несчастьях Даньдзю в будущем, и ощущала тяжёлое бремя.

— С детства и до сих пор ты смотрела, как другие шалят, ругаются из-за сладкого и одежды, сплетничают и бедокурят. Ты часто уступала и прикрывала их, жертвуя своим душевным спокойствием, и наставляла их. Когда тебя обижают, ты никогда никому не говоришь об этом, просто проглатываешь это. Твой темперамент... Изначально я хотела оставить тебя в поместье в качестве управляющей, мне было бы приятно, если бы ты и дальше находилась рядом со мной... — вздохнула Минлань. — Но затем я поговорила со старшей служанкой Фан.

— Я не хочу выходить замуж, я хочу сопровождать свою госпожу! — лицо Даньдзю было багровым.

— Любовная привязанность — редкое сокровище, которое нелегко получить, — неторопливо произнесла Минлань. — Твой двоюродный брат ждал тебя столько лет. Он до сих пор отказывается от наложниц и не желает даже целоваться с другими девушками, даже родители не могут переубедить его. Это действительно непросто.

Даньдзю, казалось, была готова сгореть прямо на месте. Минлань казалось это очень забавным. Они некоторое время молчали, так что Даньдзю даже смогла взять себя в руки.

— Он ведь тоже тебе нравится, не так ли? — тихо спросила она.

Даньдзю снова вспыхнула и принялась бессвязно бормотать. Однако, не выдержав пристального взгляда Минлань, она всё же взяла себя в руки и ответила:

— Когда я была ребёнком и посещала дом тёти, мы встречались с ним... Мой старший кузен

обращался со мной очень хорошо...

Минлань знала, что мать семейства не может быть более дотошной, чем она. Она была добрым человеком. И, хотя в древние времена информация была сильно ограничена, и было нелегко узнать суть, она тщательно всё проверила. В такой простой и честной семье у Даньдзю недолжно было возникнуть проблем, если она будет вести себя так же, как и всегда.

— Я прекрасно понимаю всё это, поэтому всё уже решено, — кивнув, произнесла Минлань.

Даньдзю всё ещё продолжала стоять на коленях, на её лице читалось изумление. Она вспомнила, что Жуомей говорила о свадьбе. Неужели её ждало событие, которое изменит всю её жизнь?! Она взглянула на маленького пельменя в люльке, который продолжал мирно спать.

— У тебя нет родителей, поэтому твои тётя и дядя займутся всем от твоего имени, — Минлань обула мягкие туфли и прошлась по комнате. — Подумай, какое ты хочешь себе новое имя. Старшая служанка Фан сказала, что твой будущий свёкор недавно потерял дядю. Слишком быстро пожениться не получится, так что тебе придётся ещё пожить здесь некоторое время. Кроме того, твой дядя успеет подготовить для тебя полное приданое из бытовых вещей, а я дам деньги.

— Главная госпожа... — тихо заплакала Даньдзю. — Я не...

— Что? Ты не хочешь меня слушаться? — склонив голову набок, уточнила Минлань.

Всхлипнув, Даньдзю перестала плакать.

— Я сказала раньше, что пока ты будешь хорошо относиться ко мне, я буду хорошо относиться к тебе. Сейчас я прошу тебя выучить три книги и шесть ритуалов, вышить себе свадебное платье. Я тоже подготовлю тебе приданое. Ты уже взрослая, тебе пора выйти замуж.

— Главная госпожа! — Даньдзю со слезами на глазах опустила голову. — У меня не было родителей с тех пор, как я была маленькой. Только когда я стала служить у вас, я поняла, что значит, быть искренним. Доброта, которую вы проявляли ко мне, никогда не будет оплачена, даже если я буду служить вам в следующей жизни!.. — она всё же снова расплакалась. — Я правда хочу остаться!

Маленький пельмень несколько раз шевельнулся и закрыл рот. Похоже, он собирался проснуться. Минлань вернулась к люльке и, сев, похлопала по его животу.

— Забудь об этом. Если ты упустишь эту возможность сейчас, в будущем у тебя уже, возможно, не будет подобных чувств, — покачала головой Минлань. Первые чувства всегда самые настоящие и искренние. — Иди и позови кормилицу, Туаню пора просыпаться, иначе ночью будет беда.

Даньдзю встала и, вытерев слёзы с лица, собиралась было молча выйти, когда Минлань неожиданно добавила:

— Если Жуомей в будущем снова будет искать тебя, скажи ей кое-что.

— Пожалуйста, приказывайте, главная госпожа, — почтительно поклонилась Даньдзю.

У неё был искренний и честный характер, в итоге она начнёт чувствовать себя лучше, зная, что её жизнь уже определена и можно ожидать в будущем счастья.

— Скажи ей, что я буду заботиться о ней, как господин о слуге. В будущем, будь то господин или госпожа Гунсунь, если её будут избивать, ругать, издеваться над ней или ещё как-либо проявлять грубость, я позабочусь о ней.

Несмотря на то, что Жуомей вышла замуж, она всё ещё была девушкой из приданого госпожи Гу хоу, а господин Гунсунь был подчинённым её мужа.

— Бить и ругать?.. Как это возможно?.. Господин... — пробормотала Даньдзю.

— О! — заметив, что сын проснулся, Минлань тут же переключилась на него и махнула рукой, не желая больше ничего объяснять.

Даньдзю не могла осмыслить услышанное, поэтому в оцепенении вышла из комнаты. Снаружи она позвала Цхуйсю, чтобы та сходила за кормилицей, и вернулась в свои комнаты, чтобы отнести корзину для шитья. Увидев, что Люйчжи гладит пелёнки, и медленно и аккуратно складывает их, она не смогла не улыбнуться:

— Ты очень осторожна, тебе не обязательно лично этим заниматься.

Люйчжи поставила железный утюг рядом с собой.

— Эти дурёхи могут думать только о еде или о том, что бы им надеть. Я учу их и учу, а они раз за разом прикидываются дурочками! — она всплеснула руками. — Детские пелёнки должны быть сухими и мягкими. В последнее время шёл сильный дождь, так что нужно позаботиться о том, чтобы в них не осталось лишней влаги! — закончив жаловаться, Люйчжи подняла взгляд и увидела взволнованное лицо Даньдзю. Закатив глаза, она в шутку добавила:

— Я видела, как к тебе приходили сегодня утром. Неужели госпожа Жуомей снова жалуется тебе?

Когда Даньдзю кивнула, Люйчжи улыбнулась ещё шире.

— Сейчас ей стоит наслаждаться тем, что есть. Боюсь, в будущем ей будет куда тяжелее!

— О чём ты говоришь? — удивлённо спросила Даньдзю.

— Господин Мен сказал, что его старший брат собирается жениться, — с гордостью произнесла Люйчжи, щипцами добавляя уголь в железный утюг. — Он уедет из поместья на несколько месяцев, чтобы вернуться в свой родной город на свадьбу. Может, ему тоже повезёт отведать свадебного вина! Хе-хе!

Прежде чем Даньдзю успела отсмеяться, Люйчжи продолжила.

— Господин Мен сказал, что после того, как в дом войдёт его старшая невестка, его тётя будет освобождена от обязанности служить родителям мужа и от заботы о доме. Он также сказал, что очень сожалеет о том, что его тёте пришлось так тяжело трудиться. Бедная его тётушка, которой приходилось тяжело трудиться десятилетия! Если всё пойдёт хорошо, в этот раз господин Мен сможет привезти её в столицу!

— Тогда Жуомей... — Даньдзю была поражена.

В конце концов, господин Гунсунь был мужчиной. Даже если он был не в ладах с Жуомей, это не мешает её повседневной жизни. Но как только приедет его жена, она будет её непосредственной начальницей. Даньдзю не могла не испытывать жалости.

На лице Люйчжи читалось счастье. Она продолжила гладить пелёнки.

— У неё все ещё есть гордость, чтобы жаловаться? — насмеялась она. — Всё, о чём она когда-либо заботилась, это чтение стихов и рисование бровей. Она хочет попросить главную госпожу заступиться за неё?! Ха! Её стоит очнуться от своего сна, она наложница, а не старейшина. Она сама выбрала этот путь. Чего теперь она хочет?!

Даньдзю не обратила на её слова никакого внимания, размышляя про себя о том, что будет происходить дальше.

Чем больше Люйчжи говорила, тем счастливее она выглядела. Подняв утюг, она указала на Даньдзю и громко произнесла:

— Тебе не нужно быть слишком хорошим человеком!

— Я никогда не была хорошим человеком, — нахмурилась Даньдзю. — Прошло десять лет с тех пор, как все мы стали сёстрами.

— За последние десять лет она хоть раз не смотрела на нас свысока? — продолжив гладить,

проворчала Люйчжи. — Я знаю, она родилась госпожой, а мы рабынями! Я могу думать только о том, как она относилась к нам всё это время, сестра.

Даньдзю вздохнула и, повернувшись, налила чашку чая и, протянув её Люйчжи, произнесла:

— Отдохни немного, я продолжу за тебя.

С благодарностью взяв чашку, Люйчжи отошла к окну.

— Где ты услышала обо всём этом? — небрежно спросила Даньдзю.

— Я ходила узнать лично, — Люйчжи улыбнулась, разглядывая чашку чая. — Я рада узнать, что она не слишком-то хорошо себя чувствует! — в голосе её слышалось облегчение.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648925>